

Ирина Зимина

Заметки на полях «Газеты»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18401344

ISBN 9785447472832

Аннотация

Легкая юмористическая повесть о жизни редакции провинциальной газеты и ее главном редакторе 30-летней Зиночке, которой газета заменила все – секс, наркотики и бардовскую песню.

Содержание

Пролог	5
1	12
2	19
3	25
4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Заметки на полях «Газеты»

Ирина Зими́на

*Книга эта никому не посвящается
и прототипов у неё никаких нету. Любые
совпадения следует считать
совершенно случайными
и нечеловечески уморительными. Ведь
жизнь, может, и не прекрасна, но удивительно
смешна
Автор*

© Ирина Зими́на, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Работа заменяла ей всё – секс, наркотики и бардовскую песню. Зинаида Ивановна приходила на работу даже в выходные дни. Посидев за столом в пустом кабинете, она тяжело вздыхала и отправлялась с сожалением домой.

Зинаидой Ивановной тридцатилетнюю рыжую хрупкую синеглазую Зину звали редко. Лишь проходящие. Сослуживцы – разве в шутку. Звали же всегда Зиной. Она любила танцевать, овсяное печенье и молоденьких мальчиков. В еженедельной «Газете», где Зиной служила ответсеком, молоденькие мальчики были...

Штат газеты был небольшим, но очень неординарным. Кажется, что его собирал сумасшедший, упорно избегая всякой логики. Чего стоила одна только Лида – тридцатилетняя блондинка Лидия с фигурой манекенщицы, взглядом ангела и хваткой умирающего леопарда. Ах, Лида! По Лиде вздыхали все мужчины огромного, только что отстроенного Дворца культуры, где и размещалась редакция «Газеты». Но Лиде было некогда. И когда глаза мужчин туманились, а сердца учащённо бились, Лида, не замечая никого и ничего вокруг, спешила то в бухгалтерию сдавать деньги, то на встречу с очередным совершенно сумасшедшим, нечѣсаным рекламным агентом.

Лида была администратором. Кто придумал такую бредо-

вую должность в газете, было совершенно неясно, но должность была, и Лида волокла на себе обязанности менеджера по рекламе, менеджера по распространению, бухгалтерию, документацию, и еще целый воз обязанностей волокла на себе Лида.

Лида трудилась. Лида пахала, как ломовая лошадь. Но никто из руководства этого не ценил. И даже скорее наоборот. Словом, Лиду клевали. Её клевал шеф – генеральный директор Дворца молодёжи, являющийся одновременно еще и главным редактором «Газеты», Станислав Алексеевич Нипихалин, сильно пьющий, но почему-то так и не спившийся окончательно, включенный шестидесятипятилетний гений, и его любовница, заместитель редактора газеты по совместительству, пустая и амбициозная, совсем невоспитанная Карина. Ах, пардон, Карина Витальевна. И коллектив всего Дворца недоумевал по этому поводу, хотя ведь абсолютно ясно, что в любой конторе должен быть козёл отпущения. Руководство хотело, чтобы таким козлом стала Лида. Вернее, козой. (Прости мне, Лида, прости...). Лида сопротивлялась, но администрация надеялась сломить её дух. Больше всех об этом мечталось Карине Витальевне.

Карине Витальевне шёл двадцать первый год. У нее был плоский зад, золотые браслеты и привычка часто облизывать губы. Это не выглядело эротично. Карина Витальевна не любила своего шефа. Ни как мужчину, ни как руководителя, ни как гения. Но ей очень хотелось иметь отдельный каби-

нет, серебряную табличку на двери с надписью «Заместитель главного редактора», почёт и уважение. Два первых пункта у неё уже были. Два вторых ей не грозили никогда.

Карина Витальевна совершенно не разбиралась в том, чем она непосредственно занималась – в газетном деле. Более того, она даже не силилась разобраться. К тому же, отдельный кабинет у неё всё равно уже был. Самое поразительное было в том, что в Карине Витальевне чудесным образом переплетались отсутствия двух талантов – таланта руководителя и таланта человечности. Эта хамоватая, избалованная мадмуазель, похоже, умела в жизни только одно, да и то, судя по выражению лица шефа по утрам, не особо хорошо...

Но замгендира существовала, как существует старая болючая мозоль на большом пальце левой ноги, натёртая любимыми перламутровыми туфлями – туфли выбросить жалко, а мозоль беспокоит!

Карину Витальевну не любили. Её жестоко не любили все обитатели Дворца молодёжи – и театралы, и хоровики, и газетчики. Но больше всех её не любила Анна.

Анна была женщиной бывалой, но не злой. Она работала в газете верстальщицей, дизайнером и бывшим козлом отпущения. Ее уже «отпустили» с этого места, благополучно заменив объект клевания. Но в памяти, туманной и холодной, как колючая проволока, ещё жил ледяной ужас загнанного зверя.

Волосы на голове Анны жили совсем отдельной, своей

беспорядочной жизнью. Когда Анна прикасалась к ним руками, казалось, волосы крайне возмущены. Анна любила русский мат, фенечки и жить не могла без мяса. Её движения были медленными, неуверенными и неправдоподобными. Когда Анна смеялась, театралы на третьем этаже испуганно затихали. Когда Анна курила, пожарный инспектор Дворца культуры пила валерианку и плакала. Анне было за тридцать. В жизни у неё было уже всё – крутые разборки, муж-уголовник, две машины и разочарование. Осталось лишь последнее. Зато в очень большом количестве.

Анна работала в одном кабинете с Машей. Маша была наборщицей, пардон, оператором машинного набора. Или компьютерного, как хотите. Маша не курила, не пила, умела очень громко звать сотрудников к телефону и страшно любила сплетничать. Она заходила в редакционную комнату с заговорщеским видом, боком подходила к столу Зиночки и говорила ядовитым голосом:

– Этот-то, представляешь! Опять... – тут она умолкала, и вид её выражал однозначное: это «вааще»!

– Что же, что случилось? – нетерпеливо заглядывала в чистые синие Машины глаза Зиночка. – Не томи, Машенька!

И Маша залпом выдавала очередную местную новость – кто как кому чего сказал и кто как и почему на кого посмотрел. Маруся была доброй двадцатилетней провинциалкой, не совсем адаптировавшейся в городе.

Маша любила Зиночку. Они часами обсуждали миро-

вые новости и местные сплетни. И дела сердешные. Как вы помните, Зинаида любила молоденьких мальчиков. К ним в редакции относились: два Павлика – фотокорр и просто корр; Арнольд – мужчина неопределённого возраста, с неопределённой прической и подозрительным прикидом (он, как и Анна, занимался вёрсткой «Утра»); и девятнадцатилетний, не в меру талантливый корреспондент Артём. Тёма. Тёмушка... Зиночка дышала неровно именно к нему.

Зинаида не любила Артёма. Вернее, она любила Артёма, но совсем не так, как об этом пишут в романах. Она любила его зло, остро и неожиданно. Зиночка Артёма не любила, но хотела. Артём Зину не хотел, но любил. В общем, они ладили. Их видели вместе в совершенно неожиданных местах – в салонах мужской одежды, на крыше родной конторы, в курилке под лестницей или в ветеринарной поликлинике, где работала Лёля – близкая подруга Зинаиды.

Лёлю любили все. Лёлю невозможно было не любить. Она была добрая, очень добрая тётка с нечеловеческим чувством юмора, тридцатую пятью годами за плечами, двумя детьми и туманным рокерским прошлым.

Лёля пела божественно! Лёля пела так, что её взял замуж самый сексапильный, похожий на француза, преподаватель хирургии сельскохозяйственного института, где Лёля получила специальность ветеринарного врача, коим и являлась на момент повествования. Взял, несмотря на туманное прошлое, предыдущих двух мужей-музыкантов и полное отсут-

ствие причастности к реальной жизни.

Лёля лечила животных. То есть Лёля зверушек мучила, стгорая от неуёмной к ним любви. В её дамской сумочке, похожей на саквояж странствующего доктора-шарлатана, всегда можно было найти нечто, выдающее её принадлежность к специальности ветврача: ампулы, шприцы, фото пони, фото самой Лёли с пони, фото собачек и кошечек с Лёлей или целлофановый мешочек с дерьмом степного орла, которое Лёля активно использовала в приготовлении лекарственных снадобий.

Иногда Лёля появлялась в редакции с неизменной улыбкой, россыпью шуточек и холщовой сумкой, в которой покоился труп кошки, собаки или обезьяны. Значит, Лёля шла на вскрытие очередного отошедшего с миром зверька. Завидев Лёленьку, Зиночка и Тёма приходили в восторг, шли провожать её до морга, и сумка весело и глухо шлёпала Лёлю по щиколоткам.

Лёля очень любила свою работу. Лёля могла пожертвовать многим – походом в кино, на вечеринку, в гости, на рок-тусовку, ради того, чтобы только сделать очередной укол очередной собачке. Или, на худой конец, почистить ей уши. Собачки это ценили и Лёлю кусали крайне редко. Лёля же собак не кусала вовсе из принципиальных соображений.

Словом, жизнь текла, как полноводная река, иногда выбрасывая на берег что-нибудь неожиданное.

Именно так могла начаться эта интересная, совершенно

запутанная, страшно правдивая история. И, боюсь, именно так она и началась. Году то ли в 2002-м, то ли в 2003-м...

1

Ночью к Карине Витальевне пришла жаба. Огромная, холодная и ядовито-зеленая, она давила грудь Карины Витальевны, расплющивая всю её недолгую жизнь. Скрипя зубами и вздрагивая от этого скрипа, Карина вспоминала услышанный днём в конторе разговор Маши и Зиночки, которые, как обычно, обсуждали жизнь редакционную.

– Этот-то, представляешь, опять! – Маша редко была оригинальной.

– Машенька, не томи, рассказывай!

– Сегодня приходил снова к Лиде тот самый поэт-путешественник. Кажется, Сергей. Со своим ноутбуком. Розы ей подарил, коньяком всех угостил. На ужин её звал!

– А она?

– А она только улыбку ему подарила, и тут её в бухгалтерию позвали. А потом – к шефу. А потом – из «Роспечати» позвонили. Короче, как всегда. Но на ужин он её, вроде, угорил.

– Ой, слушай, такой мужчина видный! Может, Лидке нашей повезёт, наконец? – Зиночка Лиду любила.

– Ага. А розы-то, розы-то какие! Большие, как Анькина голова! Дорогие, поди, как ананасы!

– Ананасы... – задумчиво повторила Зиночка, – ананасы... Ты анонс на радио отправила, Маша?!

– Господи, забыла совсем! Щас отправлю.

Вот и весь разговор. Ничего особенного, вроде. Только розы эти, «большие, как Анькина голова и дорогие, как ананасы», розы, поднесённые ненавистной суперстройной блондинке, пользующейся бешеным интересом у мужчин, – Лиде неким «видным» интересным мужчиной, жгли Карину Витальевну, как раскалённое железо. Розы жгли, жаба давила, и замученная Карина пыталась выработать план, мгновенно лишаящий Лиду впредь мужчин, цветов и комплиментов и избавляющий несчастную Карину от бессонных ночей и визитов зелёной подруги. Ничего стоящего в голову не приходило, и к утру Карину Витальевну сморил сон, чёрный и скользкий, как резиновый сапог.

Лида спала в эту ночь спокойно. В таких случаях авторы пишут обычно «её белокурые волосы рассыпались по подушке», но ничего подобного не было: Лида собрала свои белокурые волосы китайской резинкой. Так и спала, блаженно улыбаясь, отдыхая от суеты газетной. Ей снились мужчины во фраках, машины с мужчинами во фраках за рулём, брызги шампанского и сама Лида, почему-то в балетной пачке и пуантах, страшно обожаемая всеми этими мужчинами. Под утро приснился лифт, на котором Лида взмывала под самые небеса с Сергеем, тем самым, что принёс розы, отравляющие сон Карины Витальевны.

Проснулась Лида в хорошем настроении с замечательным аппетитом. На кухне её ждал завтрак, оставшийся от ужина,

и сонник, по которому Лида строила всю свою жизнь. Эта затрёпанная, рассыпающаяся в прах книженция торжественно возлежала на самом почётном месте кухни – в хлебнице. Лида любовно смахнула с сонника крошки. Сонник обронил два листка. Лида поднимать не стала: вылетели странички на «ш» и «ч», их Ляля всё равно знала наизусть.

Брызги, машины и фраки растаяли в памяти, а вот лифт каким-то чудом удержался, и Лида возлагала на него большие надежды.

– Лифт, лифт... Где же это, чёрт его подери, – бормотала Лида себе под нос, листая сонник и поедая шестой вареник с творогом, – «и», «к», «л», «ли»... А, вот!

Вещая книга гласила: «Видеть во сне, что Вы поднимаетесь на лифте, означает, что Вы быстро подниметесь до высокого положения и разбогатеете. Но если Вы спускаетесь на лифте, Вас сокрушат и обескуражат неудачи. Если Вы видите, что лифт, из которого Вы только что вышли, спускается – то это к тому, что Вы еле сможете избежать неприятностей».

– Так, очень хорошо. Совсем же не помню, поднималась я на нём или спускалась? Лифт был – помню. Сергей был – помню. А дальше – глухо, – с сожалением произнесла Лидочка, проглатывая вареник девятый. – Нет, скорее всё же поднималась! Надо верить в хорошее и тогда всё будет хорошо! – Лида была девушкой наивной, но в меру. Только в мелочах.

На шестнадцатом варенике завтрак закончился. За каких-то полтора часа Лида привычно произвела ритуал «муниципализации» и отправилась на работу. На душе её было легко и спокойно.

Был четверг. Четверг в редакции не любили. В половине одиннадцатого каждый четверг Карина Витальевна в своём отдельном кабинете проводила планёрку. В редакционной комнате, конечно, было бы удобнее – просторнее и вообще, но тогда какой смысл был в отдельном кабинете Карины?

Когда все расселись, тесно прижавшись друг к другу, слово взяла Зинаида:

– Конечно, с каждым номером наша «Газета» становится более интересной, её читают, и тираж растёт. Но до каких пор у нас будут проходить досадные «ляпы»? Карина, в номере, что ты в свет выпускала, когда я на больничном была, прошла фраза: «Исключения будут составлять граждане, имеющие в Эстонии захоронения в виде родственников». Ну, ужас же!

– Ты, Зина, за своими номерами лучше смотри, – парировала Карина Витальевна, – В твоём же номере в прошлую среду прошло письмо читателя Серёгина? Ты его внимательно читала? Хорошо, что мне люди позвонили и подсказали: «За три года существования наша организация стала обрывать членами. Сейчас их насчитывается более трехсот». Базара нет! Красота!

Начиналась обычная редакционная грызня, когда руко-

водство переходит на личности, а рядовые сотрудники начинают дремать.

Но Лида не дремала. Вечером её ждал ужин с Сергеем. Лида волновалась:

«Что надеть? Чёрное платье? Слишком траурно. Серый костюм? Слишком официально. Колготки опять порвались... Господи, мужчины – это всегда так сложно...», – Лида совсем не слушала «разбор полётов», а между тем, страсти накалялись, и в усиливающийся торнадо уже был втянут Павлик – истеричный фотокорр «Газеты»:

– Снимков не было, снимков не было! А где я вам возьму снимки, если денег не даёте?! – Павлик распалялся всё больше, переходя на визг. – И вообще, Карина, перестань на меня орать! Я тебя постарше, во-первых; а во-вторых, снимки я тебе принёс из архива. Ты из них самые плохие выбрала! Хоть бы посоветовалась с кем! Позоришь меня на весь город! Уйду вот вообще на вольные хлеба, будете знать!

«Может, надеть вечернее платье? Скажет, чего так расфуфырилась на домашний ужин? Ногти, блин, в порядок привести ещё надо, лак купить, домой успеть – переодеться», – Лида витала в невысоких облаках.

– Паша, не кричи! – раздражалась Зиночка, нервно встряхивая рыжими кудряшками. – Ты же мужчина! Веди себя прилично, в конце концов!

– Прилично! Конечно! Я, между прочим, тут до семи вечера сию иногда, сканирую фотки в архив для газеты! Вон,

Лида знает! Она тут всегда до восьми, она видела! Правда, Лида?

– Что?.. Я вчера в полдевятого ушла... А что случилось? – Лиду застали врасплох.

Карина Витальевна глубоко вдохнула, сжала под столом пальчики в кулачки и выдохнула:

– Лида, тебе неинтересно то, что мы тут обсуждаем? Тебе безразлична судьба газеты?!

– Мне небезразлична судьба газеты, – «тем более что я сама эту судьбу вершу», – мысленно закончила Лида фразу, – я просто не расслышала вопрос.

– Не расслышала, не поняла, не сделала! – Карина раскалялась, как термаспот на сковороде «Тефаль», и так же краснела, вспоминая ночь с жабой на двоих, – Ты совершенно ничего не делаешь! Ты не справляешься со своими обязанностями! Я поставлю вопрос перед шефом о твоём увольнении, о лишении тебя премии, о сокращении твоей должности!

Проснулись все сотрудники и в недоумении взирали на верещающую Карину и начинающую отходить от растерянности Лиду.

Лида могла постоять за себя. Она была старше Карины, опытнее, раза в три умнее, раза в четыре находчивее и раз в восемьсот лучше разбиралась в работе своей и работе Карины Витальевны. Поэтому она тихо, но твёрдо спросила:

– А нельзя ли выразить претензии поконкретнее?

Карина захлебнулась, поперхнулась, издала звук, похожий на звук испорченного сливного бачка и потупилась. Но ненадолго. Официальным тоном она вдруг выплюнула:

– Мы поговорим об этом отдельно. Планёрка окончена!

Лида победно улыбнулась. Зиночке, Паше, потом – всем сотрудникам. Взглянула на Карину Витальевну. Глаза Карины горели нехорошим огнем, как будто в туалете коммунальной квартиры кто-то забыл погасить свет. Это значило – быть скандалу. Все поняли, что редакция с этой минуты переходит на военно-осадное положение. Что войне быть, и будет она жестокой. Что Карина Витальевна приложит все усилия, чтобы окончательно изжить Лиду. Что Лида ни за что не позволит сделать это обладательнице серебряной табличке на двери с необоснованно торжественной надписью «Заместитель главного редактора».

Гуськом притихшие сотрудники потянулись кто в редакционную комнату, кто в курилку под лестницу, стреляя на ходу друг у друга сигареты. Зиночка взяла со стола маленькую жёлтую зажигалку, подмигнула Лиде и тоже пошла в курилку, послушать новостей и мнений. Тёма потянулся следом. Маша что-то шептала Арнольду. Арнольд, осыпая Машу перхотью, согласно кивал. Лиду позвали в бухгалтерию и тут же попросили к телефону. Карина Витальевна торжественно прошествовала в кабинет к шефу, бросив взгляд, полный ненависти и испуга на бегущую по коридору Лиду. Война началась.

2

– Представляешь, Лёля, я ему говорю: «Этого, Тёма, я тебе никогда не забуду!». А он мне: «Забудете, Зиночка, вы старенькая!»!

– Засранец! Привет ему, кстати, передай.

– Тёма, тебе от Лёленьки привет, – И в трубку: – Ты зайдешь к нам сегодня, Лёля?

Зинаида уже минут сорок трепалась с Лёлей по телефону. Случай на планёрке уже обсудили, Лёля охала, вздыхала и изредка вскрикивала: «Да ты что говоришь-то?!», а кошка там, в ветполиклинике всё не унималась.

– Господи, Лёля, ну что вы там с этой кошкой делаете? Что же она так орёт? Ни черта же не слышно! – взмолилась, наконец, Зиночка.

– Лечим, – коротко бросила Лёля, – Я перезвоню. Шашкин пришёл...

Шашкин Николай Анатольевич – главврач ветеринарной городской поликлиники страдал от жадности. Он бы многое отдал, чтобы его от этой жадности избавили. Может быть, он даже купил бы каких-нибудь таблеток от жадности, главное, чтобы их было много. Хотя, это вряд ли. Жадность мучила Шашкина, а Шашкин мучил всех докторов клиники, не давая им класть сахар в чай по вкусу, набирать лекарство в шприцы в нужном количестве и получать зарплату в пол-

ном объёме. Шашкин жлобился.

Шашкин любил Зиночку, ведь она совершенно бесплатно приносила в клинику «Газету» с телепрограммой на всю неделю. Два пятьдесят чистой экономии. Зиночку Шашкин любил, но не любил, когда Лёля говорила с ней по телефону в рабочее время, ведь тогда Лёля отрывалась от приёма, а это могло урезать кассу на 15—20 рублей, не дай Господи!

Лёля пошла вставлять маленькой болонке под хвост градусник, мурлыкая под нос финскую народную песенку собственного сочинения:

*На курорте Ёлла-Палла
Тетья Эрва отдыхала.
Дядя Эрвин к ней приехал
Стали вместе отдыхать...*

День разгорался. Больные зверьки подтягивались. Касса росла. Шашкин считал деньги. Крупные капли пота покрывали его лоб, шею и могучие волосатые руки.

– Николай Анатольевич, помогите мне, пожалуйста! – звала шефа Лёля.

Шашкин с сожалением оторвался от бумажек и монеток и вошел в большой кабинет. Разъярённая кошка норовила выцарапать Лёле глаз.

– Подержите её, Николай Анатольевич, я укол поставлю. Совсем она меня замучила. Только осторожнее, совершенно дикая...

– Ничего, еще не таких быков в куриные кубики «Кнорр» загоняли, – пробасил Шашкин и прижал к железному столу зверушку. Животных Шашкин особо не любил, но очень уважал, как источник трудовых доходов.

Зазвонил телефон. Звонила жена Шашкина:

– Коля, пришли сантехники, кран починили. Сейчас проверяют бачок в туалете. Просят пятьдесят рублей. Давать?

– Ни в коем случае! – страшно закричал в трубку Шашкин, – Я немедленно выезжаю! – И стремительно вышел. Возникла пауза – ни зверушек, ни начальства, и Лёля позвонила в «Газету» Зине:

– Зинуля? Ушёл Шашкин. Вы сейчас чем занимаетесь?

– Почту разбираем с Тёмой и Лидой. Лёля, это просто шедеврально! – кипятилась Зиночка. – Хочешь, зачту?

– Давай, если недолго.

И Зинаида озвучила:

– «Работая на лыжной базе „Березка“, в летнее время нет снега и мы в отпуску с марта по октябрь...» Лёля, я с ума на этой работе сойду, ей-богу!

– Поздно, Зинаида, ты уже! – смеялась в трубку Лёля.

– У меня тут еще масса подобных перлов. Так ты зайдешь? – просительно протянула Зина.

– Нет, вряд ли. У нашего шефа сегодня критические дни, так что работать надо будет до упора, а потом настроение точно будет испорчено после церемонии вручения. Завтра созвонимся, ладно?

– Ладно. Я тебя очень люблю, Лёля.

– И я тебя, Зина. Пока.

«Критическими днями» в ветполиклинике называли дни зарплаты. В эти дни Шашкин был раздражён, зол и подавлен. Ему было страшно жаль расставаться с деньгами, заработанными ветврачами за неделю. Но деньги раздавать приходилось. Сердце Шашкина обрывалось, ладони липко потели. Он знал, что в эту ночь точно не уснёт.

В поликлинику вошла женщина. Без собаки, без кошки, без обезьяны и даже без канареечки. Это несколько настораживало. Лицо её было вроде бы знакомо Лёле. Женщина сняла большую лохматую шапку и под ней обнаружилась Алёна Семёновна Дружкова, местный скульптор, художница Дворца культуры.

– Здравствуйте, Алёна Семёновна, – искренне обрадовалась Лёля, – Вы неважно себя чувствуете?

– Да нет, Лёленька, спасибо, вроде всё нормально. Меня беспокоит Герда...

Герда, любимая спаниэлька Алёны Семёновны, была «дамой в годах», как и её хозяйка. Недавно Герде минуло десять лет. В поликлинике скульптор с собакой появлялись нечасто, но с доктором Лёлей дружили семьями.

– Лёленька, что-то Герда в последнее время чудит, – полушёпотом загадочно произнесла женщина-скульптор. – Она усыновила кусочек наждачной бумаги! Она холит его, лелеет. По утрам даже на прогулку выходить перестала! Носится

с бумажкой своей, как с дитём малым, уже третью неделю и никого, даже меня, к ней не подпускает! Это нормально?

«А что в этой жизни нормально?», – подумала Лёля, но вслух сказала:

– Это нормально, но хорошо бы, конечно, её обследовать. Возможно, нарушения или воспаление матки. Приведите Герду ко мне, Алёна Семёновна, я её осмотрю.

– Ой, спасибо, Лёля! Обязательно приведу! – И таинственно: – А вы у нас во Дворце давно были? – Алёна Семёновна явно хотела что-то выведать.

– Давно уж. Но с Зинаидой сегодня по телефону говорила. Война у вас там...

– Ой, Лёленька, и не говорите, просто беда какая-то! Не понимаю я шефа нашего. Добрый ведь, мудрый, гениальный человек, а вот поди ж ты... Пятнадцать лет знаю его, и вот в первый раз не понимаю. Где он эту пустышку нашёл? Она ж не человек, а дерево! Как мой внук говорит: «Дуб осиновый, сделанный из берёзы». Лиду жалко, заели совсем..., – разговорилась Дружкова.

– А вы в обиду друг друга не давайте, глядишь, всё и нормализуется!

– Нормализуется, как же. Пока эту занозу мы не удалим, воспалительный процесс не прекратится, – Алёна Семёновна была явным эрудитом. – Так я Гердочку на днях приведу, Лёленька?

– Да-да, конечно. Всего доброго, Алёна Семёновна.

– До свидания. И еще... Вы хорошо выглядите, Лёля! – Дружкова любила Лёлю.

«Хорошо... Причесаться надо. Губы, что ли подкрасить?..» – Лёля повертелась у зеркала, и на память пришли Зиночкины стишки и туманный образ Шашкина:

Все в этом мире относительно.

Я думаю, и люди тоже.

Вот я так просто восхитительна

Напротив этой мерзкой рожки.

Лёля была доброй женщиной, но сегодня в клинике день был критическим.

3

На фоне апокалипсического конфликта, что сотрясал здание Дворца культуры, как вулкан Везувий в свои лучшие годы, более скрытый или, как любил выражаться Тёма, перманентный конфликт между самим Тёмой, Зиной и Зинаидой Ивановной, был менее заметен, но не менее важен. Конфликт этот был несколько странен. Зиночка и Тёма все также любили друг друга, причём Зиночка любила Тёму именно за молодость, а Тёма Зиночку – за ситуацию. Зинаида Ивановна же гнобила Тёму почему зря.

Изнутри их конфликт выглядел очень жарким и напряжённым. При каждой их встрече воздух трещал от избытка электричества, как из электрощитка с надписью: «Не влезай – убьёт!», куда кто-то все-таки залез, и его убило. От их слов неслись искры. Трещали по швам тонкие нематериальные сущности. В воздухе пахло свежестью, что физики объясняют наличием O^3 , (а в народе – озона).

Со стороны конфликтующих в адрес противника неслись тонкие по закамуфлированности, но страшные по содержанию оскорбления.

– Тёмочка, – сладко заговаривала Зинаида Ивановна, – тебе не кажется, что для своего возраста... ты слишком много на себя берёшь? – заканчивала она очередную колкость. Но то, что фраза её заканчивалась, не значило, что Зиночка

ка расслаблялась и отправлялась поживать на лаврах. Нет, зная за Тёмочкой особенность отвечать быстро и, главное, разить безошибочно, также его любовь оставлять последнее слово за собой, она заранее просчитывала варианты его ответа и возможный исход этого сражения.

– Конечно, кажется, – начинал Тёмочка, – но я-то хотя бы могу возрастом оправдать свои глупости, – делал он паузу, – в отличие от вас, Зиночка.

– Вот что мне лично, Артём, в тебе всегда нравилось, так это нездешнее, просто какое-то нереальное уважение к старшим. Ты этому где учился?

– Спасибо, Зиночка. Не могу не ответить любезностью. «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Как Вы уже очень точно подметили своим уже не таким молодым глазом, как раньше, у меня врождённое чувство такта и уважения к старшим. Я, конечно, Зиночка, не вправе давать Вам советы, но позволю себе обратить ваше внимание на это полотно, – И всем своим сияющим от того, что озвучил очередную гадость, видом Тёма указывал на картину, висящую над столом Зиночки и собственноручно Тёмой и сделанную. Сделанную и подаренную. На этом жутком во всех смыслах полотне, изображающем шестнадцать одинаковых монахинь, с обратной стороны было написано: «Ксерокс, картон, скотч» и название: «Пора подумать о душе». Это был козырной туз в руках Тёмы. Когда ему не хватало слов или не приходило сразу остроумного ответа в голову, он всегда исполь-

зовал картину, как последнее средство.

«Смею Вам, Зиночка, заметить...» или «Позвольте с Вами не согласиться...», – начинал он. Изысканное выражение это всегда заканчивалось одним: «...но я бы, будь я на Вашем месте, начал бы уже задумываться о душе».

Зиночка тоже имела на это заготовку:

– Ты не можешь! – говорила она тоном, будто уличила Тёму в нечестной игре, использовании допинга и применении запрещенного приема. Обычно, если словесная битва могучих интеллектуалов «Утра» заканчивалась этими словами, обеим сторонам засчитывали техническую ничью.

Наблюдать же за схватками собиралось все «Утро» и часть театралов. Иногда аудитория раздражалась бурными аплодисментами, иногда же, что бывало гораздо чаще, залившимся смехом. В любом случае, участники выходили ближе к рампе и кланялись. Но так как все находились на работе, то и схватки происходили в рабочем ритме. Люди входили и выходили, сами участники прерывались иногда, а если встречались в коридоре, перебрасывались отдельными фразами.

Если выигрывал Тёма, Зиночка говорила:

– Я тебе это припомню.

На что Тёма добивал лежащую:

– Вы, наверное, таблетки для памяти принимаете? Конечно, в Вашем возрасте это естественно. Вам же сейчас, кажется, тридцать девять уже, да?

– Эх... – говорила Зиночка и качала головой.

Ежели же в перепалке вперёд выходила Зинаида Ивановна (именно что не Зиночка, а Зинаида Ивановна), она добивала противника тоньше и умнее – она с женским (полным ещё и материнской любви) сердцем – всё ему прощала.

От небесного света, исходившего от неё в этот момент, Тёма плевался, закрывался, но не мог убежать, и таял, как какая-нибудь частица сахара от воды или снеговик по весне. Он ещё мог скривиться и сказать, что это всё «ужасно пошло», но ему уже никто не верил, и на счёт Зинаиды Ивановны поступали соответствующие баллы.

И только сторонний наблюдатель, не участвовавший в жизни Дворца, мог сказать, что Зиночка и Тёма ругались как уже много лет прожившие в добром браке супруги.

4

У Лиды отвалился каблук. Он коварно отлетел в самое неподходящее для этого время, когда Лида, так и не успев заехать домой, мчалась прямо с работы на ужин к Сергею. Вот уже двадцать минут Лида сидела в прокуренном грязном вагончике, гордо именуемом «Мастерская. Срочный ремонт обуви», грызла ногти и переживала. «Он, наверное, думает: „Вот какая неконкретная. Вернее, непунктуальная. Прийти-то вовремя не может“». Волнуется, наверное. Оно, конечно, женщине положено опаздывать на свидание, но не на час же. И ужин, небось, стынет. Интересно, он что приготовил?»

Лицо кавказской национальности стучало молотком по сапожкам Лиды, бросая томные взгляды на белокурую, босую красавицу. Взгляды красноречивые, говорящие о многом. Хотя взгляды эти отнюдь не помешали «лицу» содрать с неё сорок целковых. С сожалением Лида подала сапожных дел мастеру 50 рублей и с удовольствием взяла 10 рублей сдачи.

– Лучше, чем новие будут бэгать! – гордо произнес кавказец.

– А гарантийный срок есть? – Лида была девушкой практичной, несмотря на страшную спешку.

– Для вас – всю жизнь! – ослабил сапожник.

– Спасибо. До свидания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.